

Камертон мегаполиса

Владимир ПИВКИН
Новосибирская Государственная
Архитектурно-Художественная Академия. г. Новосибирск

Из истории формирования фондов НКГ-НХМ. *Работы С. И. Голубина. ДАР*

Идея создания в Новосибирске государственной картинной галереи относится к 1928 году, когда она планировалась в составе комплекса Дома Науки и Культуры. Однако её строительство не было первоочередным, и из-за возникших проблем возведения основного объема ДНК эта идея потеряла свою актуальность, так что дело не дошло даже до проекта.

К ней вернулись 17 лет спустя, уже после Великой Отечественной войны. Газета «Советская Сибирь» от 15 августа 1945 года сообщала: «Картинная галерея в Новосибирске. Совнарком СССР принял решение о сооружении в Новосибирске картинной галереи. Эта галерея в будущем должна послужить базой для музея изобразительного искусства». На проектные работы выделяется 200 тыс. руб.»

В этой же газете 17 ноября того же года появилась еще одна информация по этому поводу: «Городская картинная галерея. Новосибирский городской отдел по делам искусств передал управлению Гостеатрпроекта заказ на составление проекта здания картинной галереи в Новосибирске с мастерскими для художников. По решению СНК СССР галереею начнут строить в 1947 году. Проект галереи будет готов в 1946 году».

Спустя еще 11 лет после этого совнаркомовского решения и три десятилетия после появления самой идеи создания картинной галереи, 27 декабря 1958 года, наконец, она реализовалась. М. Качальская, директор областной картинной галереи по поводу уже ее двадцатилетия («Вечерний Новосибирск» от 20 декабря 1978 года, № 291, – с. 4) писала:

«В конце декабря 1958 года в здании по ул. Свердлова, 13 собрались представители общественности и интеллигенции нашего города, чтобы официально отметить открытие художественного музея. В шести небольших залах на площади 260 кв. метров разместилась первая

музейная экспозиция. В неё вошло 95 произведений русских и советских мастеров. В Новосибирске появился еще один культурный и научный центр, призванный вести эстетическое воспитание трудящихся».

Тогда «в Новосибирске не было ни одной коллекции, могущей послужить основой для неё. Надо было всё начинать с нуля.

Состоялись многочисленные поездки в музеи Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Перми, Казани, Астрахани и других городов для отбора произведений в фонд галереи. В результате к открытию её было собрано 318 произведений русского и советского искусства.

Неоценимую помощь в создании коллекции оказало Министерство культуры РСФСР. Оно закупило и передало галерее 117 лучших произведений дореволюционного и советского искусства.

Помогли и старейшие музеи. Так, Государственный Русский музей выделил 13 значительных работ, Павловский дворец-музей Ленинграда передал 22 произведения, Пермская государственная картинная галерея — 16. Выделили несколько произведений Иркутский художественный музей и Свердловская картинная галерея...

Поступали и дарственные работы. Первыми подарили в фонд галереи произведения ленинградский искусствовед П. Е. Корнилов и новосибирец, кандидат архитектуры В. М. Пивкин».*

В то время директорами галереи были сначала М. А. Мочалов, затем В. П. Токарев, научным сотрудником П. Д. Муратов, а хранителем фонда Раиса Николаевна Коняшева, которая и оформляла акт передачи работ С. И. Голубина. Никто из них тогда особо не интересовался законностью наличия у меня этих художественных произведений.

* В дар Новосибирской картинной галерее. – «Вечерний Новосибирск» от 11 декабря 1958 года, № 240, – с. 3.

Очевидно, сегодня есть необходимость объяснить, откуда, как, когда, при каких обстоятельствах появились у бедного студента архитектурного факультета НИСИ им. В. В. Куйбышева, уполномоченного преподавателя безвозмездно этот дар от имени родных и близких Сергея Ивановича Голубина (1870 – 1956) — художника, мозаичиста, ученика И. Е. Репина и П. П. Чистякова.

Одним из моих первых учителей по рисованию в школе был Петр Игнатъевич Цаплин, а вне её — Глеб Сергеевич Голубин (сын художника Сергея Ивановича Голубина, которого и мне довелось знать лично), сам когда-то бравший уроки живописи у художника-передвижника Андрея Николаевича Шильдера.

Глеб Сергеевич Голубин (1896 – 1956), в прошлом студент-химик, художник Томских педагогического и медицинского институтов, в свое время добровольно пошел сражаться за «веру, царя и отечество» в Первой мировой войне, был тяжело ранен — осколком снаряда ему раздробило ногу, перенес голод, тиф. В 1937 году проходил по сфальсифицированному делу «Кадетско-монархическая организация «Союз спасения России» вместе с поэтом Н. А. Клюевым, князем и княгиней Волконскими, профессором Галаховым, ссыльным архитектором Брюлловым и другими. Вскоре после ареста тюремные медики подтвердили, что у подследственного остеомиелит, но тем не менее «следовать в исправительно-трудовой лагерь может». Он и проследовал в Сиблаг на десять лет, отбыл их, имел еще пять лет поражения в правах, жил в Мариинске, там и скончался, не дождавшись реабилитации. Смерть его скрыли от ослепшего еще в 1942 году отца.

Я познакомился со ссыльным Голубиным в Мариинске летом 1949 года, накануне начала школьного учебного года, когда пошел в шестой класс. Я очень любил рисовать, рисовал «самостийно», в основном с натуры, хотя имел преподавателя только в третьем классе, когда эвакуированная во время войны некая Юлия Сидоровна, руководитель изокружка для старшеклассников, внимая моей слезной просьбе, пустила на свои занятия, но я успел получить всего два-три урока, так как боготворимая мною Юлия Сидоровна срочно уехала, вернувшись к себе на родину, кажется, в Киев.

И вот, мой отец однажды вдруг говорит, что у него в артели им. П. Осипенко, в галантерейном цехе, работает художник, он же зеркальный мастер, модельщик и т. п. И что он как-нибудь сведет меня с ним. Я едва дождался конца рабочего дня (отец не разрешал мне посещать его в рабочее время), побежал в артель, сам нашел Глеба Сергеевича. После беседы в пути к дому, где они жили с Клавдией Ивановной, женой – лагерной подругой, старшей медсестрой нашей больницы. Он сразу же пригласил меня в их квартиру, и с этого момента я стал завсегдатаем у них, практически ежедневно бывая с Глебом Сергеевичем и на его

работе, и дома, пока не окончил школу и не поступил с его же благословения на архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института. Незадолго до кончины Учителя, когда он был безнадежно болен, Клавдия Ивановна вызвала меня в Мариинск, и у нас состоялся последний разговор с ним. Он говорил с трудом, делая большие паузы. Это было его последнее напутствие-наказ.

А сказал тогда Глеб Сергеевич следующее: «Ты, Володя, у меня за сына. Я прошу тебя восстановить доброе имя отца моего Сергея Ивановича. Я доставил ему много горя. И на него было много напастей из-за моего ареста и заключения. Я очень и очень виновен перед ним... Прошу тебя устроить сохранившиеся работы папы в музей и сделать всё, чтобы он не остался забытым. Он достоин этого...» Затем заговорил про мои дела и заботы: «Я советую тебе всегда быть мудрым и гибким, каким был Ленин. Как он мог улавливать момент и использовать ситуацию!» Были, разумеется, и другие темы, но обращаю внимание только на эти, важные в связи с рассматриваемым.

Глеб Сергеевич никогда мне или при мне не рассказывал о своей жизни «от» и «до», но из отрывочных разговоров, рассказов, даже только реплик я могу составить более или менее достоверно его биографию и, более того, в контексте слышанного могу дать свою версию поведения в тех печальных событиях.

Он не раз вспоминал, что в годы Гражданской войны и после сотрудничал с Троцким и Кировым, правда, я до сих пор не знаю, в чем это выразалось. Раз так говорил о Ленине, то, очевидно, судил о нем не понаслышке или печати. И на Кавказе, когда терялся для отца на долгих четыре с лишним года, он, похоже, попал туда вместе с Кировым. К 1937 году хорошо была известна судьба Троцкого и Кирова, а также многих других, в том числе из самого близкого окружения Голубиных не только в Томске. Думаю, как только Глеб Сергеевич попал в «объятия» НКВД, то сразу сообразил, что ему безопаснее проходить по сфальсифицированному делу «ССР» в компании с местными томичами, чем быть привязанным к реальным событиям, связанным с этими государственными и партийными деятелями.

Второе — судьба отца, который уже в то время стал слепнуть, быстро развивалась глаукома и редкая болезнь — боязнь пространства. Глеб Сергеевич безмерно любил его, так как, помимо всего, родную мать он потерял, когда ему было всего две недели отроду. Отец был для него больше чем отец... Поэтому быстро соглашался, беря на себя все, что ему инкриминировалось.

Глеб Сергеевич много рассказывал о Горьком, Маяковском, Блоке, Есенине и других известных личностях, которых, видать, знал по Петербургу, Москве, встречал в «Пенатах» у Репина, где, случалось, бывал с отцом.

Надо дать и какое-то объяснение тому об-

стоятельству, что квартиру Волконских посещали в числе других «Сергей Иванович Голубин и его сын Глеб Сергеевич», по логике в первую очередь должны были привлекать по уголовному делу отца, а не сына, но Сергея Ивановича оставили в покое. Почему?

В 1936 году С. И. Голубин приглашен в Ленинград, в Академию художеств, в качестве преподавателя-воспитателя «Школы юных дарований». В Ленинград он едет через Москву, где у него были хорошие знакомые еще с дореволюционных времен, среди которых М. Ф. Владимирский, бывший нарком здравоохранения РСФСР, председатель ЦК ВКП(б), П. А. Красиков, бывший прокурор Верховного Суда СССР, М. И. Васильев, бывший заместитель председателя того же Суда, М. А. Добрынина — его жена и другие. Но, вот, едва устроившись на новую работу, Сергей Иванович срывается с места и срочно возвращается в Томск.

Не потому ли, что в том же, 1936 году, в Томске возбуждаются уголовные дела против Волконских и Клюева. Может, кто-то известил Голубина-старшего об этом, и он понял, что круг людей будет расширен и они попадут в него? Может быть, он воспользовался прежними знакомствами, чтобы как-то защититься? А может, сыграла роль и его собственная биография и прошлая революционно-партийная и государственная деятельность его второй жены Екатерины Викентьевны Борткевич, которая в последние годы была депутатом Ленсовета, директором Центрального Дома искусств в Ленинграде, созданного в свое время А. М. Горьким?

Может, и во всех этих прошлых обстоятельствах следует искать объяснение, что Голубин-сын соглашался на то, что ему предлагали следователи, потому что в это время прошлые революционные заслуги становились уже виной?

Так подробно пишу об отце и сыне Голубиных, чтобы можно было представить масштаб их личностей, их роли в моей жизни, моей ответственности и вечно, если хотите, сыновьем, долге перед этими для меня святыми людьми.

Перечень подаренных работ С. И. Голубина

Голубин Сергей Иванович. 1870 – 1956.

БОБРУЙСК. У КРЕПОСТНОГО ВАЛА. 1900.
Масло, холст. 32 x 42,5.

Справа внизу: Бобруйск С. Голубин 1900.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-418)

ВЯЗ. Этюд. 1912.

Масло, холст. 42 x 32,5.

Справа внизу: С. Голубин 1912.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-419)

ЕЛИ ПОД СНЕГОМ. 1912.

Масло, холст. 42,9 x 31,9.

Слева внизу: С. Голубин 1912.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-417)

РЕКА БЕЛАЯ. 1912.

Масло, холст. 24,2 x 32,7.

Справа внизу: С. Голубин 1912. Валильсурск.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-415)

ВАСИЛЬСУРСК. ПОЛДЕНЬ.

Масло, холст. 32,7 x 41.

Слева внизу: С. Голубин 1912. Васильсурск.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-421)

НАЛЬЧИК. ГОРЫ. 1917.

Масло, холст. 32,9 x 44,1.

Слева внизу: С. Голубин 1917. Нальчик.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-423)

НАЛЬЧИК. ВЕЧЕР. Этюд. 1917.

Масло, холст. 27,3 x 33,1.

Справа внизу: С. Голубин 1917. Нальчик.
На обороте холста надпись: Кавказ. Нальчик.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-422)

НАЛЬЧИК. 1917.

Масло, холст. 34,2 x 44,2.

Слева внизу: С. Голубин 1917. Нальчик.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-414)

ВЕЧЕР. Этюд.

Масло, холст. 32,9 x 44,1.

От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-416)

ОСЕНЬ.

Масло, холст. 34 x 44,4.

От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-420)

ДАЧА БЕСПАЛОВА. 1926.

Масло, холст. 32,7 x 41.

Справа внизу: С. Голубин 1926.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1959 г. (ж-413)

ОКРЕСТНОСТИ ТОМСКА. 1927.

Масло, холст. 33,9 x 45,3.

Справа внизу: С. Голубин 1927. Томск.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1959 г. (ж-412)

АВТОПОРТРЕТ. 1923.

Карандаш, бумага. 14 x 19,1.

Справа внизу: С. Голубин 1923 г.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-338)

АВТОПОРТРЕТ. НАБРОСКИ. 1925.

Карандаш, бумага. 25 x 29,7.

Справа внизу: С. Голубин 1925 г.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-339)

ПОРТРЕТ КРЕСТЬЯНИНА ЯКОВА. 1929.

Карандаш, бумага. 36,1 x 27.

Справа внизу: С. Голубин 1929 г.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-341)

ПЕЙЗАЖ. 1932.

Карандаш, бумага. 13,8 x 18,1.

Справа внизу: С. Голубин 1932 г.
От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-340)

ЛОШАДИ. НАБРОСКИ.

Карандаш, бумага. 22,8 x 30,8.

От В. М. Пивкина (в дар) в 1958 г. (ж-342)